

Глава 3. Сны и варка сахара

Поля гаоляна стояли густо. Длинные листья его были острыми, точно лезвия; стоило задеть их неосторожно, как на коже тут же проступал порез.

Ли Цинхун и Ли Цинфэн, привычные к крестьянскому труду, двигались по межам ловко и споро. В густых зарослях было душно и жарко. Пройдя половину пути, Ли Цинвэнь несколько раз поцарапался. Крови не было, но когда на порезы попадал едкий пот, лицо начинало нестерпимо щипать.

Ли Цинхун велел ему идти к краю поля и отдохнуть, но Ли Цинвэнь не послушался. Он попросил у братьев их платки, связал их вместе и сделал подобие простой повязки, закрыв нижнюю половину лица, после чего продолжил работу. В прошлой жизни он был даже старше Ли Цинфэна, и не в его правилах было стоять в стороне, пока родные трудятся.

Вскоре трое братьев встретились с родителями, которые пололи с другой стороны. Госпожа Чэнь не могла нарадоваться на младшего: какой же смыслённый, сам додумался лицо тряпицей закрыть! Ли Маосянь промолчал, но в душе его разлилось тепло. Сын едва пришёл в себя, а уже такой рассудительный — настоящий Ли.

Прополка в эту пору шла легко. Мелкую траву не трогали, вырывали лишь ту, что уже пустила колосья, чтобы семена не упали в землю и не истощили её в будущем году. Участок был небольшим, и впятером они управились меньше чем за час. Вырванные сорняки не бросали — связали в охапки, чтобы унести домой на корм свиньям.

Уходя, Ли Цинфэн не удержался и оглянулся на несколько низкорослых стеблей гаоляна на краю поля. Госпожа Чэнь, знавшая помыслы своих детей по одному взгляду, тут же заметила это.

— Стеблей захотелось пожевать? — спросила она. — В этом году наш гаолян несладкий. Вот у шестого дедушки пол-му засеяно сахарным сортом. Хочешь полакомиться — подожди до жатвы. Сейчас колос ещё не вызрел; если стебель срезать, зерно пропадёт.

Ли Цинфэн вздохнул и больше не оглядывался.

— Матушка, а почему мы не сеем сладкий? — полюбопытствовал Ли Цинвэнь.

— Глядите-ка, сынок-то наш говорит всё складнее! — Госпожа Чэнь довольно улыбнулась, и морщинки на её лице на миг разгладились. — Да потому и не сеем, что от ребятни отбоя не будет. Один стебель стянет, другой пожует — к осени и убирать-то нечего.

В каждой семье было много детей, и все вечно ходили впроголодь. Сахар ценился дороже соли, лакомиться им не доводилось, так что любой возможности отведать сладкого дети не упускали.

Взрослые понимали, что зерно — это жизнь, но малышам-то разве объяснишь? Им бы только пожевать чего повкуснее.

Заметив любопытство младшего сына, Ли Маосянь поправил на спине вязанку травы и добавил:

— К тому же, у сладкого гаоляна урожай скуднее, потому люди и не хотят его сеять.

Ли Цинвэнь понимающе кивнул. Когда еды не хватает, важнее сытость, а не сладость. О сахарном гаоляне он кое-что помнил: этот сорт не был местным. Ли Маосянь услышал о нём, когда искал лекарей для младшего сына. Отец всегда старался привезти домой что-то новое на пробу, но чем всё закончилось в прошлые годы, юноша не знал.

Когда они подходили к деревне, Ли Цинфэн указал на участок за невысокой глинобитной стеной:

— Вот он, гаолян шестого дедушки.

Ли Цинвэнь промолчал.

«Четвёртый брат — неисправимый сластёна, — подумал он. — До сих пор об этих стеблях грезит».

Вдруг из-за стены поднялся старик. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало кору древнего дерева. Он прищурился, глядя на прохожих.

— Ох, я-то думаю, кто это меня поминает — расчихался совсем! — рассмеялся он. — Оказывается, это Четвёртый пожаловал. Знаю, что любишь ты это дело, приберёг я для тебя несколько стеблей.

Братья хором поприветствовали шестого дедушку. Ли Бэньцян посмотрел на раскрасневшееся лицо Ли Цинвэня:

— И сынок тоже в поле вышел? Настоящий мужик растёт!

— А как же! — гордо отозвался Ли Цинфэн. — Мы с ним вместе будем шестому дедушке урожай гаоляна собирать.

— Тогда грызите стебли сколько влезет, — старик широко улыбнулся, обнажив беззубые дёсны.

Вернувшись домой, они умылись прохладной водой, которую приготовила старшая невестка, и

гурьбой вошли в дом. Ли Цинфэн рухнул на кан и принялся жаловаться на голод.

— Четвёртый брат, ты хочешь сахара? — спросил Ли Цинвэнь.

Ли Цинфэн подскочил на месте:

— Цинвэнь, у тебя что, деньги есть?

— Денег нет, — покачал головой младший. — Но я сам умею его делать.

Ли Цинхун, услышав это, замер в изумлении:

— Да ну? Неужто и впрямь умеешь?

Раньше младший брат и ложку-то с трудом держал, а теперь вдруг заговорил о варке сахара. Ли Цинвэнь, не теряя времени, принялся объяснять, что ему нужно.

— Понадобится пшеница и клейкий рис, — он старался выговаривать слова чётко и медленно.

— Тогда ничего не выйдет, — разочарованно протянул третий брат. — Мы такого не сеем, да и в деревне ни у кого нет.

— Как это нет?! — Ли Цинфэн от волнения даже голос повысил, но тут же опасливо оглянулся на дверь и зашептал: — Помнишь, второй дядя приезжал? Он привез несколько мешков, я видел — там точно это было!

В памяти прежнего Ли Цинвэня этого не сохранилось, и он вопросительно взглянул на Цинхуна. Тот кивнул:

— Четвёртый прав. Если в доме есть хоть зёрнышко чего-то съедобного, он об этом знает первым.

Ли Цинвэнь лишь молча покачал головой.

— Только вряд ли матушка позволит, — добавил Ли Цинхун. — Зерно в доме на вес золота, портить продукты не дадут.

Но Ли Цинфэна было уже не остановить. Он тут же выскочил за дверь и принялся умолять родителей. Вскоре в комнату вошли Ли Маосянь и госпожа Чэнь. Ли Цинвэнь внутренне подобрался.

— Сынок, четвёртый брат говорит, ты сахар варить собрался? — Ли Маосянь внимательно посмотрел на младшего.

Ли Цинвэнь кивнул и заговорил, заранее подбирая объяснения:

— Отец, пока я был не в себе, мне всё время казалось, будто я сплю. И в этом долгом сне я видел много диковинных вещей. Как варить сахар — я узнал именно там.

Это не было ложью в полной мере. Прошлые тринадцать лет действительно казались ему туманным, несвязным сном.

«Я понимаю: чтобы вытащить семью из нищеты, одной земли мало, — размышлял он. — Нужно какое-то ремесло. Но резкая перемена в поведении "дурачка" может вызвать толки, поэтому сны — лучший повод».

— Затянулся же твой сон, — госпожа Чэнь мягко улыбнулась, хоть в уголках её глаз и заблестела печаль. — Больше десяти лет... Мы с отцом извелись все.

— Эх, мне бы такие сны про сахар снились! — вздохнул Ли Цинфэн.

Ли Маосянь положил руку на голову младшего сына:

— Значит, не зря наш сынок спал — знания во сне добывал. Мать, неси пшеницу, пусть попробует.

Отец согласился на удивление быстро, а вот госпожа Чэнь всё ещё колебалась — уж очень жалко было зерно.

— Сколько пшеницы на это уйдёт? — с сомнением спросила она.

— Пшеницы нужно совсем немного, — пояснил Ли Цинвэнь. — А вот риса клейкого понадобится больше. Я и сам боюсь ошибиться в первый раз, давайте попробуем взять полцзиня пшеницы и пять цзиней риса?

Пшеница ценилась выше риса, и когда матушка услышала, что её нужно совсем мало, она немного успокоилась.

— Ладно. Пусть даже не выйдет — пара обедов погоды не сделает, как-нибудь проживём.

Госпожа Чэнь споро отмерила зерно. Ли Цинвэнь залил пшеницу водой в керамическом тазу. Всплывшие пустые зёрна он хотел было выбросить, но госпожа Цзян перехватила его руку:

— Отдай мне, курам скормлю.

Зерно промыли несколько раз. Воду тоже не потратили впустую: её слили в отдельное ведро, чтобы добавить в корм свиньям и курам. Каждое ведро воды приходилось доставать из глубокого колодца, и к бережливости здесь привыкли с малых лет.

Замоченная пшеница осталась в тазу. Ли Цинфэн, не отходя ни на шаг, спросил:

— И долго ей так стоять?

— К завтрашнему дню она напитается влагой. Тогда сольём воду и будем ждать, пока не проклюнутся ростки в палец высотой. Сахар можно будет варить только дня через четыре или пять, — объяснил Ли Цинвэнь.

— Так долго ждать... — разочарованно выдохнул брат.

Госпожа Чэнь и старшая невестка внимательно наблюдали за каждым движением юноши.

— Так это же как бобы проращивать, — заметила мать.

Ли Цинвэнь кивнул и вкратце описал дальнейшие шаги. В детстве он часами крутился у котлов соседа-сахаровара, так что технология не была для него секретом. Однако он не спешил хвастаться — мир был чужим, и он не знал, сработают ли привычные приёмы. Слушая его уверенные объяснения, женщины приободрились: похоже, дело и впрямь может выгореть.

Смеркалось. Женщины ушли готовить ужин, а Ли Цинвэнь остался во дворе, глядя, как из трубы над крышей потянулся сизый дымок.

Дом семьи Ли ничем не отличался от соседских хижин: три глинобитных комнаты под одной крышей, центральная служила кухней и столовой. В восточной и западной комнатах стояли каны для сна. В стороне высились пристройки: в восточной жил старший брат с семьёй, в западной хранили припасы и всякую утварь.

Рядом под навесом лежали дрова, а чуть поодаль находились птичник и хлев. Несмотря на обилие живности, во дворе было чисто — за порядком здесь следили строго. Земля под ногами была серой, стены — саманными, и всё вокруг казалось желтовато-коричневым. Единственным украшением служили деревья позади домов: кто-то сажал тополя, кто-то — плодовые деревья. Первые шли на строительство или на гробы, вторые давали семье хоть какое-то лакомство.

Увидев высокие деревья за домом, Ли Цинвэнь невольно вспомнил своего дедушку. Тот был упрямым стариком и готов был продать даже тополь, припасенный на собственный гроб, лишь бы добыть денег на лечение внука... К сожалению, старик так и не дождался исцеления Мальша.

Вспомнилась и бабушка из его прежней жизни. Она похоронила сына и невестку, в одиночку подняла его на ноги, но ушла, так и не успев вкусить покоя... От мыслей о стариках на душе стало невыносимо тоскливо.

Ли Маосянь, вернувшийся с водой, замер, увидев застывшего сына. Сердце его екнуло: раньше Ли Цинвэнь мог часами вот так смотреть в пустоту. Неужели разум снова покинул его?..

Тяжёлая ладонь опустилась на плечо юноши, заставив его вздрогнуть. Он поднял глаза.

— Сынок, что случилось? — спросил отец. — О чём ты так задумался?

— Ничего... Просто дедушку с бабушкой вспомнил, — тихо ответил он.

— Помнишь их? — Ли Маосянь изумился.

— Помню. Как дедушка принес два мясных баоцзы, которые ему добрые люди дали. Хотел мне оставить, да в жару они подкисли. Жалко было выбрасывать, и мы втроём их съели... — Ли Цинвэнь шмыгнул носом. — Потом животами мучились несколько дней.

В тот раз им троим крепко досталось, и только одна добрая старушка, напоившая их тремя чашами подслащенной воды, смогла остановить болезнь.

Ли Маосянь растрогался до глубины души. В детстве отец и дед возили сына по лекарям. Денег не было, жили на телеге, готовили в котелке на костре. Если везло — ночевали в деревнях, если нет — прямо в поле, под открытым небом. Много лишений им пришлось перенести.

— Не зря дед тебя так любил, — Ли Маосянь смахнул невидимую соринку из глаза. — Завтра пойдём на могилу, пусть посмотрит на своего сынка, о котором так печалился.

<http://bllate.org/book/15828/1427904>